

DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774
УДК 81'37
ББК 800.81.23

Научная статья / Research article

Значение слова в модели понимания

Е.Ф. Киров

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
ул. Академика Волгина 6, г. Москва, Российская Федерация, 117485
efkirov@pushkin.institute

Актуальность статьи заключается в рассмотрении модели значения слова в рамках общей модели понимания смысла высказывания. Цель исследования состоит в создании и описании модели понимания в процессе коммуникации. Материалом послужило структурное описание русского языка, метод исследования в статье — теоретико-описательный. Результатом исследования стало создание модели значения слова. Выводы: слово традиционно (со времен стоиков) иллюстрируется треугольником. Последние достижения в понимании сущности значения слова приводят к семантической трапеции как модели значения слова.

Ключевые слова: слово, значение, семантический треугольник, семантическая трапеция, фонема, звук, понимание

История статьи:

Дата поступления: 01.06.2019

Дата приема в печать: 15.09.2019

Для цитирования:

Киров Е.Ф. Значение слова в модели понимания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. no 4. С. 761—774. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774

UDK 81'37

The Meaning of the Word in the Model of Understanding

Evgeny F. Kirov

Pushkin State Russian Language Institute
Akadem. Volgin str. 6, Moscow, Russian Federation, 117485
efkirov@pushkin.institute

A model of the meaning of a word is considered, which is traditionally (since the times of the Stoics) illustrated by a triangle. Recent advances in the understanding of the essence of the meaning of a word lead to a semantic trapezium as a model of the meaning of a word and/or morpheme.

Key words: word, meaning, semantic triangle, semantic trapezium, phoneme, sound, understanding

© Киров Е.В., 2019.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Article history:

Received: 01.06.2019

Accepted: 15.09.2019

For citation:

Kirov, E.F. (2019). The meaning of the word in the model of understanding. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 10(4), 761—774. doi: 10.22363/2313-2299-2019-10-4-761-774

Введение

В настоящее время не существует согласованного описания модели понимания и модели значения слова. В то же самое время имеется значительное количество описаний такой центральной единицы языка, как слово.

Существует необходимость обобщить и развить имеющиеся сведения в теории языка по данному вопросу. Актуальность такого исследования несомненна, т.к. представление о языке в науке до сих пор ограничивается метафорическим «черным ящиком». В литературе по данной теме существует немало ценных сведений, начало которым положено еще «Восьмикнижием» Панини.

Однако развитие идей в истории науки о языке проходило достаточно медленно. Очень перспективным представлением о слове языка можно считать диалог Платона «Кратилл».

Но о сущности слова как основной единицы языка в лингвистике достаточно мало теоретических сведений, имеющих общенаучный характер. Лишь в XX веке в трудах Л.О. Резникова и Б.Н. Головина, Г.П. Мельникова и Л.А. Новикова появилось системное представление о сущности значения слова. Основной проблемой исследования является создание адекватной современным научным представлениям модели значения слова, сопряженной с моделью понимания языковых единиц в процессе коммуникации на естественном языке.

1. Значимость слова и теория относительности в языке

Соссюровское сравнение языка с шахматами можно развить, условно введя представление о таких шахматах, в которых фигуры по ходу партии могут менять свой функционал и не только убывать, но и прибывать (могут возникать новые). Примем, что язык — это динамичная система элементов, которые в процессе использования в речевой деятельности по производству речевых актов могут релевантно видоизменяться: как устраняться, так и добавляться, но кроме всего прочего, элементы могут использоваться в добавочной функции, что приводит к многозначности слов и грамматических конструкций. Появление в словаре нового слова неминуемо ведет к изменению системы ценностей лексем, о которой хорошо известно после выхода в свет «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра.

Принято считать, что теория относительности вошла в языкознание вместе с трудами американских этнографов-лингвистов Э. Сэпира, Б. Ли Уорфа и немецкого гумбольдтианца-лингвиста Й. Лео Вайсгербера. Однако теория значимостей

Ф. де Соссюра была первым и самым настоящим фрагментом теории относительности в языкознании. В целом начало 20 века ознаменовалось расширением теории относительности на гуманитарные науки — было совершено открытие логики включенного третьего казанским профессором Л. Васильевым, положившим конец тысячелетиям господства формальной логики Аристотеля (прости, Аристотель!). При этом следует сказать, что начало теории относительности, конечно же, заложено было еще в XIX веке великим математиком (как ни странно, тоже профессором и ректором Казанского университета) Н.И. Лобачевским. Подчеркнем со всей откровенностью, что А. Эйнштейн был не первым ученым, кто открыл такой способ научного мышления и описания явлений окружающего мира.

Однако в языкознании этот способ мышления пробивал себе дорогу с трудом, и потребовалось достаточно немало времени, чтобы после концепции значимости слова был сделан еще один шаг в направлении понимания релятивного соотношения языковых единиц, но сделано это было достаточно громко и заслужило названия революции — речь идет о хомскианской революции, положившей начало эксплицитному пониманию релятивного соотношения поверхностного и глубинного предложения, т.е. пропозиции высказывания. Синтаксис в релятивном виде приобрел вид завершенной и полноценной научной системы, уже подготовившей в общих чертах разгадку феномена понимания смысла высказывания. Дальнейшее развитие синтаксиса текста (грамматики текста и дискурса) еще более приблизило решение этой проблемы, которое уже не за горами.

В целом в лингвистике (смею надеяться) созрело понимание, что описание языка следует начинать «сверху», т.е. строить модель языка от уровня текста/дискурса к уровню предложения/высказывания, далее к уровню слова/семемы и уровню звука/фонемы.

Если начинать описание языковой систематики с текста и дискурса, то необходимо дать релевантные дефиниции тому и другому феномену. Наиболее распространенным является определение дискурса Н.Д. Арутюновой, данное в «Лингвистическом энциклопедическом словаре»: дискурс — это речь, «погруженная в жизнь», хотя в этой же статье дается и определение дискурса как текста: «текст в событийном аспекте».

Мы в одной из своих работ [1] предложили связать дискурс с понятием «речевой акт». В результате можно получить очень простое и понятное определение дискурса как цепочки речевых актов, ориентированных на одну микротему, которая по мере нарастания складывается в тему текста/дискурса.

2. Текст как знак дискурса

Не подлежит сомнению, что текст и дискурс тесно связаны друг с другом в семиотическом плане (см., например, работы: П. Серио, 1999; Ю. Земской, 2010 и др.). Текст может пониматься как знак дискурса только в семиотической ситуации, когда появляется адресант и адресаты, на которых и направлено текстовое сообщение, при этом в момент восприятия и понимания адресатами оно превращается в дискурс, поскольку обрастает социогенными обстоятельствами и прагматическим воздействием на адресатов. Таким образом, текст функционирует как

знак дискурса в коммуникативно-знаковой ситуации. Если заранее подготовить некий связный речевой континуум, характеризующийся завершенностью, логичностью, когезией и когерентностью, то возникнет текст, который еще не стал дискурсом, так как не вышел за рамки сознания его создателя, не стал элементом коммуникативной интеракции, потому что не приобрел пока адресата, ради которого и был задуман. Если адресат попадет в семиотическую ситуацию восприятия данного текста, т.е. прочтет или прослушает этот текст (про себя или вслух), то этот текст в момент восприятия превратится в дискурс, поскольку процесс восприятия и понимания информации будет протекать в реальном времени и при участии адресата, в том числе и автоадресата, если коммуникативная интеракция ведется с самим собой, поскольку воспринятый текст может изменить самого говорящего и одновременно слушающего, т.е. вызвать прагматический (перлокутивный) эффект.

Текст как знак дискурса может приобрести письменную форму, т.е. долговременную форму существования и хранения. Это означает, что он в любой момент может вновь превратиться в дискурс, если возникнет адресат, который через много веков возьмет книгу в руки и прочтет древний текст, что породит эффект понимания (возможно, частичного) той информации, которая содержится в тексте. Следовательно, любой текст, включая и древний, — это потенциальный дискурс. Текст может на долгое время «затаиться» и существовать в записанной форме, но как только некто обнаружит его и начнет читать, в результате в какой-то мере изменив свою картину мира под его воздействием, текст сразу превратится в дискурс на момент его чтения или слухового восприятия. Так происходит до бесконечности коммуникативных интеракций адресата и адресанта с участием данного текста.

Спецификой обладает устный текст (например, фольклорный или современный звучащий) в виде монолога или диалога, который воспринимается в процессе звуковой коммуникативной интеракции, — это «дискурс он-лайн». Если его не записать, он перестанет существовать как реальность после своего произнесения и переместится в виде фрагментов в память (иногда он запоминается слово в слово, т.е. целиком, например, в эпосе или фольклоре). На протяжении многих тысячелетий человечество имело дело преимущественно с таким видом текста, однако возникновение письменности и книгопечатания, но особенно цифровой системы хранения и передачи информации и Интернета существенно изменило дискурсивное общение и породило тотальность коммуникативных интеракций в последнее время [1].

Также и текст имеет множество определений, мы ограничимся метафорическим определением: текст — это спящий дискурс, если текст включить в реальную жизнь, в систему социальных и коммуникативных отношений, он превратится в дискурс.

3. Понимание в коммуникации

Центральной проблемой, конечной инстанцией всего комплекса наук, в который входит и лингвистика, является проблема понимания как составляющих единиц текста/дискурса, так и его самого в целом. В этом направлении сделано немало,

вкратце рассмотрим наиболее известную концепцию Ван Дейка. В неявной форме в модели понимания Ван Дейка содержится идея герменевтического круга. Суть этого феномена сводится к тому, что понять мы можем только то, что уже знаем в какой-то степени (понимание части исходит из предзаданного понимания целого). Й. Гадамер в работе «Истина и метод» говорил в этой связи: «Понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям».

Пожалуй, общепринятым является положение о том, что составляющей любой модели понимания должна быть антиципация как предвосхищение, предугадывание, представление о результате того или иного процесса, возникающее до его реального достижения и служащее средством обратной связи при построении действия («опережающее отражение», по П.К. Анохину).

Такое положение должно получить лингвистическое обоснование, по нашему мнению, оно не может не опираться на теорию валентности, в соответствии с которой синтагматические цепи языковых единиц имеют ограничения на сочетаемость. Другими словами, как в языковых единицах, так и в самом тексте не все может сочетаться со всем: не каждый согласный звук может сочетаться с гласным звуком /e/ в русском языке, не каждое существительное может сочетаться с глаголом «спать», не каждое высказывание может сочетаться с высказыванием «*Мне грустно*» и т.д.

Н. Хомский добавил к известному лингвистическому афоризму («Глокой куздре») Л.В. Щербы не менее знаменитую фразу (1) «*Бесцветные зеленые... идеи яростно спят*» — как пример запрещенной валентности входящих в эту фразу слов.

Нам понадобится и еще одна теория, которая необходима для формирования первичной и приблизительной модели понимания, и такая теория была разработана немецкими лингвистами Йостом Триром, Вальтером Порцигом и Йоганном Лео Вайсгербером — речь идет об известной и ставшей классической теории семантического поля, которое образуют сходные по основной и общей семеме (гиперсемеме) слова языка (а также, как выяснилось позже, и грамматические значения в теории функциональной грамматики). Соединение теории валентности и теории семантического поля дает очень позитивное единство для построения теории понимания, включающей в себя элемент антиципации.

Для того, чтобы построить теорию «лингвистической антиципации» в рамках психолингвистической теории понимания слов, высказываний и текстов, нужно распространить валентность в обе стороны, в том числе и вспять, т.е. придать ей в дополнение к правому вектору также и левый, направив валентность слов, например, и их значений в сторону предвосхищения, тем самым включив в создаваемую модель понимания идею герменевтического круга. В результате возникнет модель двунаправленного валентностного синтагмирования слова, ориентированного на предвосхищенное извлечение вероятного последующего слова из принципиально возможного семантического поля слов, которые могут сочетаться с заданным словом. И речь в данном случае должна идти не о собственно слове из словаря, а о семеме из семантического поля релятивно и ценностно соотнесенных семем, т.е. единице тезауруса. Именно такие единицы формируют глубинное предложение, или пропозицию высказывания.

Глубинное предложение, или пропозиция, формирующая смысл высказывания, строится на основе семантического синтаксиса Филлмора—Теньера и включает в свой состав актанты и сирконстанты, но собственно сам сценарий, определяющий смысл высказывания, задается предикатом подобно сценарию той пьесы, которую, по словам А. Сеше, мы усматриваем в пропозиции предложения/высказывания, разыгрываемой актантами в обстоятельственных сирконстантах.

Анализ. Для примера возьмем слово «спит». Понятно, что любой человек, владеющий языком и правильно организованной картиной мира, на уровне предпонимания уже заранее знает (предугадывает), что речь скорее всего в дальнейшем пойдет о живом существе. Поэтому при стимуле-предикате «спит» в сознании может возникнуть три сценария: а) фрейм А (базирующийся на основном значении слова) — речь пойдет о человеке или о животном в сценарии А (2). *Ребенок спит*. Однако, кроме основного, может возникнуть побочный фрейм В, включающий сценарий, в котором речь пойдет о мифическом существе (3). *Русалка спит*. Но может возникнуть и поэтический фрейм С на основе переноса значения, в котором речь пойдет об олицетворенном предмете (4). *Спят туманы синие...*

Следовательно, чтобы обнаружить механизм понимания высказывания, необходимо ввести принцип обратной валентности (антиципации как психолингвистическом синониме обратной валентности) на этапе предпонимания в рамках герменевтического круга, который и обеспечит понимание речевого акта как события, описывающего то или иное действие или состояние.

Следовательно, в процессе понимания мы используем принцип антиципации от предиката (глагола или категории состояния), предвосхищая последующую семему (значение слова) с точностью «до поля», но не можем предполагать появление связи со словом из «запрещенного» валентностью поля, т.е. используем принцип запрещенной валентности. Именно так действует принцип герменевтического круга, связанного с предложенным здесь понятием обратной валентности.

Основным претендентом на валентную связь с предикатом, т.е. вторым элементом валентной связки, неминуемо становится такой актант глубинного строя пропозиции, как прежде всего актер, т.е. главное действующее лицо в семантической схеме пропозиции, являющейся основой смысла высказывания. На поверхностном уровне предложения — это подлежащее.

Момент понимания (инсайт) в сознании — это переворот восприятия, когда левая валентность с центром внимания от предиката к актору (от сказуемого к подлежащему) преобразуется в правую валентность с центром внимания от актора к предикату, т.е. на первый план выходит главный действующий персонаж пьесы предложения (*ребенок, котенок, русалка, река* и т.д.), на второй план удаляется предикат (*спит*), затем вторичное внимание уделяется сирконстантам, т.е. обстоятельствам действия.

Таким образом, понимание связано с переворотом левой валентности на этапе предпонимания в правую на этапе окончательного понимания, т.е. правильную прямую (не пассивную) валентность от производителя действия к действию, когда ожидаемое и предполагаемое понимание переходит в режим свершившегося факта,

описываемого в пропозиции. В результате возникает то, что Ш. Балли называл актуализацией, когда потенциальное значение превращается в реальное, формируя смысл высказывания.

Применительно к рассматриваемому предикату «спит» необходимо последующее слово, определяющее сценарий А — при выборе претендента на роль актора из словесного поля живых существ. Но может быть выбран и понят сценарий В при выборе последующего претендента на роль актора из словесного поля мифических существ. Особого труда нашего воображения требует понимание сценария С, если последующий претендент на «акторство» (т.е. главное действующее лицо «пьесы предложения») будет выбран из поля олицетворенных существ, как в примере (4).

В процессе понимания высказывания неминуемо возникнет «гносеологический шок», если на стимул «спит» поступит непрогнозируемый методом левонаправленной валентности в нормальной картине мира слово-стимул «идея» в им. п. ед. числа, что обусловит выполнение субъектом, обозначенным этим словом (т.е. «идеей»), глубинной роли актора (главного действующего героя) абсурдной (как получается) пропозиции (1). Все дело в том, что не существует такого поля абстрактных имен, в которое входит имя «идея», которые бы находились в валентной связке с предикатом «спит», потому что такого не наблюдается в реальной жизни.

4. Модель значения слова

Однако сосредоточим внимание на единице, которую считают центральной в любом языке — на слове.

Принято считать, что моделью значения слова является так называемый **семантический треугольник**, который можно обнаружить в любом учебнике логики или теории языка (в философии со времени стоиков в Древней Греции). Мы посвятили этой проблеме специальные работы [6, 7 и др.], в которых стремились показать экспланаторную (объяснительную) недостаточность идеи треугольника при формировании адекватной модели значения слова. Итак, есть основания предполагать, что модель значения слова, впервые разработанная стоиками и много позже эксплицированная Г. Фреге в реальную геометрическую модель семантического треугольника, поддержанная и развиваемая А. Черчем, У. Куайном, Ч.У. Моррисом и др. логиками и лингвистами и сводящаяся к трем элементам — знаку, понятию (или концепту) и предмету (денотату), расположенным на углах треугольника — недостаточна для объяснения того, как возникает (и функционирует) значение слова.

Впервые описание значения слова в виде треугольника из взаимосвязанных объектов можно обнаружить у стоиков, например, Секст Эмпирик отмечал: «Стоики утверждают, что три вещи между собою сопряжены — обозначаемое, обозначающее и объект. Из них обозначающее есть звук, например, „Дион“; обозначаемое — тот предмет, выражаемый звуком, который мы постигаем своим рассудком, как уже заранее существующий, а варвары не воспринимают, хотя и слышат звук; объект — внешний субстрат, например, сам Дион. Из них две вещи телесны,

именно звук и объект, одна бестелесна, именно обозначаемая вещь, и это есть высказываемое, которое бывает истинным и ложным» [2. С. 69]. Исследования стойков в области знаков были усвоены и получили дальнейшее развитие в трудах Августина; при этом использовались латинизированные термины, в частности, *signum* (знак), который включал в себя и *signans*, и *signatum* (означаемое и означающее).

Так, Соссюром в «Курсе общей лингвистики» [3] у стойков заимствуются термины *означающее* и *означаемое*, но при этом в нетипичном значении использован термин *знак*, вероятно, в смысле термина *значение*, хотя знаком в семиотике еще со времен стойков называют материальный предмет, передающий информацию о чем-либо.

Разгадка феномена значения слова и эксплицитная формулировка этого понятия была осуществлена именно в русской лингвистике, где впервые было предложено верное понимание модели значения слова Л.О. Резниковым [4] и позже Б.Н. Головиным [5]. Так, Б.Н. Головин писал: «Значение слова — это возникшая и действующая в нашем сознании связь двух отображений — отображения физической стороны слова и отображения предмета» [5. С. 29].

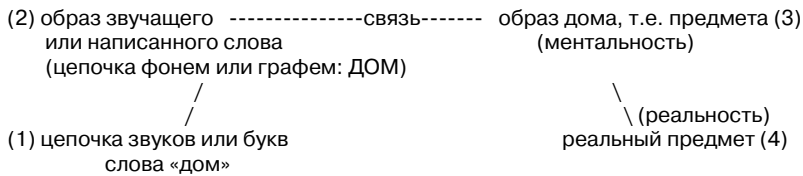
В свете сказанного становится понятным, что знаком как таковым является цепочка звуков (или букв), объединенных в фонетическое слово ударением (буквы объединяются в графическое слово и ограничиваются пробелами с обеих сторон (хотя так было не всегда), т.е. знак представляет собой материальный объект. Таким образом, знаки языка существуют как фонетические или графические экспоненты слова (цепочка звуков и исторически позже цепочка букв). Это материальный план значения, но, как подчеркивали стойки, имеется и другой — ментальный (бестелесный) план значения слова. Как же он возникает?

В сознании имеется два образа: образная копия как самого предмета, так и его знака (цепочки звуков и цепочки букв), которым этот предмет поименован, т.е. имеется ментальная копия экспонента (т.е. фонетической или графической оболочки слова), с одной стороны, и реального или воображаемого предмета, с другой стороны. Первой, естественно, в сознании людей в рамках модели значения слова возникает ментальная копия звучащего экспонента слова, т.к. человек начинает говорить в фонетической форме, лишь позже к ней (по мере усвоения грамоты в онтогенезе развития личности человека и в филогенезе развития общества) прибавляется ментальная копия графического (буквенного или иероглифического) экспонента слова, — напомним, что тот и другой «телесный» экспонент слова представляют собой знаки языка как таковые.

Однако знак языка может быть знаком только в том случае, если он обозначает нечто, находящееся вне него, т.е. обозначает какой-либо конкретный или абстрактный предмет. Поэтому в модели значения слова есть место не только для знаковой, но и для содержательной части. Человек наблюдает или воображает нечто и создает в сознании образ того, что наблюдает или воображает, т.е. формирует и виртуальные объекты типа «любовь», сложный образ которых также существует в сознании.

Графическая схема значения слова, которая иллюстрирует вербальные формулировки Л.О. Резникова и Б.Н. Головина, приведена ниже: чтобы получилось значение слова, необходимо, чтобы две ментальных копии — образ фонетического или графического знака, с одной стороны, и образ предмета, с другой стороны, как писали Л.О. Резников и Б.Н. Головин, — соединились, подобно двум сторонам листа бумаги, по образному выражению де Соссюра, и в результате получится значение слова (по такой же технологии возникает и значение морфемы).

Схема 1. Модель значения слова

(см. работу [7])

Scheme 1. The model of the meaning of the word

(see [7])

Подобную схему значения слова в виде трапеции, но на несколько иных основаниях, разработал Л.А. Новиков в вузовском учебнике под его редакцией [8].

Как видим, на схеме в модели языкового значения имеется четыре (но не три, как в треугольнике стойков, Г. Фреге — Ч. Осгуда) элемента, которые могут быть обозначены такими терминами: (1) — знак языка в виде звучащего или написанного слова; (2) — означающее как образ знака в языковом секторе сознания человека; (3) — означаемое как образ предмета, (десигнат) в ментальном континууме расчлененных образов (элементов) реального и виртуального мира в сознании человека; (4) — предмет реальный или воображаемый (денотат).

При всей простоте и ясности полученной модели значения слова возникает два кардинальных вопроса: из чего складывается означающее и чем является означаемое?

5. Логическая сущность означаемого

Соссюр, как известно, просто предложил считать означаемое понятием, и это предложение можно принять лишь в том случае, если условиться, что речь идет о «наивном понятии» (Ю.Д. Апресян), в основе которого лежит простой образ или примитивный концепт как таковой.

Трудно поддается осознанию само представление об образе (визуальном или каком-либо ином) в составе модели абстрактного значения слова. Тогда возникает вопрос, как соотносятся друг с другом такие компоненты означаемого, как образ, концепт и наивное понятие, — ведь очевидно, что все они входят в означаемое?

Этот вопрос можно решить так: образ — это начальное звено наивного понятия, его визуальная составляющая. К ней при формировании наивного понятия прибавляется необходимый минимум знаний о предмете, если дело касается конкретного материального предмета, т.е. гештальт как целостная и неаддитивная картина, в которой образ предмета (денотата) находится в окружении и в функ-

циональной взаимосвязи с другими образами других предметов, с которыми обозначенный предмет находится в соприкосновении в реальной жизни. Из этой картинки возникает представление не только о самом предмете, но и о его окружении, возникает комплексный образ, т.е. когнитивный гештальт, а при дальнейшем развитии когнитивный скрипт (динамический гештальт в виде маленького фильма). Именно эти элементы формируют представление, а затем и понятие о предмете. И именно этот комплекс можно назвать когницией, т.е. объемом знаний о предмете, который актуализируется как содержательный образ-комплекс при восприятии слова. Естественно, что этот минимум знаний, умений и навыков обращения с конкретным предметом, сформированный в виде когнитивного гештальта, не может не опираться на концепт, он и является его содержательной стороной.

Таким образом, наивное понятие, связанное с конкретным предметом, состоит из визуальной ментальной картинки и минимума знаний о том, что можно делать с этим предметом, при этом знания задаются первично концептом предмета и расширяются при помощи личного опыта человека до когнитивного гештальта (знания, что это такое и что с ним можно делать). Именно концепт позволяет объединить в одно целое группу тождественных предметов в реальном мире и придать им одно слово (имя) для языкового означивания, при этом слово без артикля будет иметь объем семантики, равный сигнификату (наивному понятию или концепту — в зависимости от познанный мира), а при определенном артикле слово будет обозначать сам конкретный предмет, т.е. денотат, точнее, иметь смысл конкретного предмета (в русском языке в функции артикля используется чаще контекст, хотя есть и артиклевые местоимения «этот», «тот» и под.).

Более сложную картину представляет собой означаемое абстрактного значения слова, например, означаемое слова «мужество». Сразу оговоримся, что при анализе семантики иногда допускается методическая ошибка: слово абстрактного значения анализируется наравне и подобно слову конкретного значения. Однако это очень разные типы слов, которые будут иметь разные исходные наборы сем при компонентном, например, анализе. Все дело в генетике той и другой лексемы: абстрактная лексема изначально обобщает целую жизненную ситуацию, а не предметы, т.е. называет целый когнитивный скрипт, для описания которого могут потребоваться многие слова с конкретной семантикой. Например, слово «мужество» рисует перед мысленным взором картины героического поведения на войне, в трудных ситуациях жизни и другие возможные скрипты. Поэтому целесообразно считать, что абстрактная лексема представляет собой способ компрессии знания, основанного на обобщении реальности, во-первых. Во-вторых, абстрактная лексема является способом формирования также и ирреального знания, которое человек формирует для описания миров (мифического, религиозного, фантастического, эзотерического, трансцендентного и т.д.). При этом подчеркнем, что нет принципиальной разницы между абстрактной лексемой, представляющей компрессию знания о реальности — типа «любовь» или «мужество», и лексемой, описывающей скрипт воображаемого мира — типа «армагеддон» или «ад», «рай» и т.д. Такая разница обнаруживается только в жизни при верификации высказываний, причем

признание реальными денотатов таких слов, как «*божество*», например, в разные эпохи меняется: были времена, когда боги признавались реальными субъектами, участвующими в реальной жизни людей, т.е. верифицировались как живые существа. Однако наблюдение над такими словами, как «*идея*», с одной стороны, и «*идеология*», с другой стороны, позволяет заметить, что одни абстрактные лексемы элементарны («*идея*»), другие же абстрагируют абстракции («*идеология*»), т.е. одни являются своеобразными гипонимами, а другие — гиперонимами, т.о. систематизация абстрактной лексики осуществляется, как и у лексем с конкретным значением.

Трудно поддается осознанию само представление об первичном образе (визуальном или каком-либо ином) в составе модели абстрактного значения слова. Вполне очевидно, что единственным синэстетическим образом в таком случае может быть один из элементов, который символизирует целое значение абстрактного слова.

6. Означающее

Перейдем к рассмотрению кардинального вопроса о поиске подходящей фонологической теории, которая могла бы лечь в основу фонемной интерпретации означающего. Теперь обратимся ко второй из обозначенных выше проблем — из чего складывается **означающее**? Конечно, можно предположить, что означающее — это цельный и неделимый образ, и он не из ничего не складывается, однако это не так, поскольку и сам знак как прообраз означающего являются дискретной единицей, складывающейся из составляющих элементов, которыми являются звуки или буквы. Следовательно, и означающее соответствует в этом плане своему знаку как своему прообразу и тоже складывается из неких первичных элементов. Итак, необходимо пояснить суть составляющих элементов всех элементов модели значения слова, но прежде всего нужно просто объяснить, из каких элементов складывается **означающее** как образ знака.

Другими словами, нужна некая фонемная теория (фонология), которая могла бы проложить мостик от звучащего слова как реальной фонетической материи (собственно знака), с одной стороны, и с другой стороны, к означающему — материи идеальной, **психической**, т.е. ментальной копии знака в сознании коммуникантов. И такую теорию фонемы мы обнаруживаем у Бодуэна де Куртенэ, точнее — в одном из его представлений о фонеме (психологическом), — при этом подчеркнем, что у Бодуэна в целом насчитывается четыре теории фонемы: фонема как подвижной элемент морфемы и признак известной морфологической категории — разработано МФШ с добавлением понятия гиперфонемы; фонема как аккорд кинакем, т.е. различительных признаков фонемы — разработано Пражской школой (якобсоновский «пучок РП») с добавлением понятия архифонемы; фонема как звуковое единство для ряда родственных языков (*ночь—нічь*) — мы назвали такую единицу генетофонемой) — не разработано ни в одной из школ из-за неясности научных перспектив, хотя эта единица может стать основой фонологической компаративистики [9].

Итак, особо скажем о четвертом, но самом главном по значимости и первым по времени появления представлении Бодуэна о фонеме, которое и ложится

в основу теории значения — речь идет о фонеме как образе звука в языковом сознании человека.

Именно такой психологический и в силу этого продуктивный смысл вкладывает в термин «фонема» в момент ее открытия родоначальник фонологии Бодуэн де Куртенэ (он придерживается этого определения фонемы как основного всю свою жизнь). Так, во «Введении в языковедение» Бодуэн пишет: «Постоянно в нашей психике существующее представление „звука“, т.е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть фонемой» [10. С. 249]. Нет никакого сомнения в том, что под фонемой Бодуэн здесь под словом «представление» понимает образ звука (это определение фонемы будет неоднократно дублировано в трудах Бодуэна, наконец фонема приобретет вид «психического эквивалента звуков языка» и в кратком виде сведется к определению в словаре Брокгауза и Евфрона как «звук-представления», т.е. ментального образа звука). Вот с этих фонологических позиций можно ответить на вопрос, из чего складывается означающее как ментальный образ цельного звучащего слова в модели его значения: оно складывается из бодуэновских психологических фонем-звук-представлений (фонем как образов звуков, составляющих обозначающее как цепочку звукообразов), при этом в реальности само физическое слово складывается из собственно реальных и материальных звуков членораздельной речи.

Таким образом, подводя итоги данным размышлениям, отметим, что модель значения слова включает в себя четыре элемента. 1. Фонетический или графический **знак** в виде звучащего или написанного слова, т.е. знак из звуков или букв (т.е. графет, этических единиц) на материальном уровне. 2. Означающее из фонем (или графем) как образов звуков (или букв) на ментальном уровне модели значения слова (и морфемы). 3. На материальном уровне экзистенции сам **предмет** (или качество, количество, состояние, процесс или характеристика процесса — в соответствии с этим в языке сформированы части речи, включая гибридные). 4. Образ предмета (признака, количества состояния, процесса или признака процесса), т.е. то, что стойки обозначили термином «означаемое». Важно подчеркнуть, что означаемое может быть виртуальным, воображаемым, т.е. не иметь прообраза в реальном мире. Кроме этого, означаемое может быть представлено в разной степени осознанности: от простого образа до представления и понятия — в зависимости от информированности субъекта (компетентности языковой личности).

При этом означающее, являясь неотъемлемым элементом значения слова или морфемы, составляется из единиц, которые открыл Б. де Куртенэ, определив их как образы звуков и назвал фонемами языка. Таким образом, Бодуэн, открыв психологическую фонему, сформировал базу для создания адекватной модели значения слова или морфемы, внося неопределимый вклад в общую теорию понимания слов и высказываний языка.

Выводы

Что следует из сказанного для лингвистики? Нужно создавать словари нового типа и грамматики нового типа с учетом принципа валентности и поля. Если встать на позицию, что теория поля должна консолидироваться с теорией двунаправлен-

ной валентности, чтобы лечь в основу теории понимания, необходимо создать новую генерацию словарей. В итоге ассоциативные словари, имеющие огромное значение в процессе преподавания того или иного языка как иностранного, должны соединиться с корпусными тезаурусами, построенными по полевому принципу, в результате возникнет новая генерация лингвистических тезауруско-корпусных словарей, т.е. валентно-полевые словари-корпусы.

Представляется, что такие словари смогут оказать значительную помощь в деле преподавания любого языка в иноязычной среде. Валентностно-полевое представление о слове влечет за собой и новый подход к грамматике, который уже осуществляется в наше время в виде функциональной грамматики (труды А.В. Бондарко и его последователей), построенной с учетом идеи поля. Идеи валентностной грамматики в целом уже реализованы в известной концепции «смысл-текст» И. Мельчука и Ю.Д. Апресяна. Дальнейшее развитие русистики должно привести к синтезу этих очень плодотворных концепций.

Библиографический список

1. *Киров Е.Ф.* Текст и дискурс в семиотическом соотношении // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2018. Т. 17. no 2. С. 15—25.
2. Античные теории языка и стиля. М.; Л.: ОГИЗ, 1936.
3. *Соссюр Ф.* Курс общей лингвистики (комментарии Тулио де Мауро). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999.
4. *Резников Л.О.* Гносеологические проблемы семиотики. Л.: ЛГУ, 1964.
5. *Головин Б.Н.* Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979.
6. *Киров Е.Ф.* Теоретические проблемы моделирования языка. Казань: Изд-во КГУ, 1989.
7. *Kirov E.* Das Zeichen und die Bedeutungstheorie // *History and Rationality. The Skovde Papers in the Historiography of Linguistics.* Münster: NodusPublikationen. 1995. P. 227— 236.
8. Современный русский язык: Учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис / под общ. ред. Л.А. Новикова. СПб.: Изд-во «Лань». 2003.
9. *Киров Е.Ф.* Фонология языка. Ульяновск: СВНЦ, 1997.
10. *Бодуэн де Куртене И.А.* Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд-во ФН СССР. 1963.

References

1. Kirov, E.F. (2018). Text and discourse in semiotic ratio, *Vestnik of Volgograd state University. Series 2: Linguistics*, 17(2), 15—25.
2. Ancient theories of language and style (1936). Moscow—Leningrad: OGIZ.
3. Saussure, F. (1999). Course of General linguistics (comments by Tulio de Mauro). Yekaterinburg: Publishing house of the Ural University.
4. Reznikov, L.O. (1964). Epistemological problems of semiotics. Leningrad: Leningrad state University.
5. Golovin, B.N. (1979). General linguistics. Moscow.
6. Kirov, E.F. (1989). Theoretical problems of language modeling. Kazan: KSU publishing House.
7. Kirov, E. (1995). Das Zeichen und die Bedeutungstheorie In *History and Rationality. The Skovde Papers in the Historiography of Linguistics.* Münster: NodusPublikationen. pp. 227— 236.
8. Modern Russian language: Textbook: Phonetics. Lexicology. Word-formation. Morphology. Syntax (2003). L.A. Novikov (Ed.). St. Petersburg: Publishing house “LAN”.
9. Kirov, E.F. (1997). The Phonology of the language. Ulyanovsk: SVNTS.
10. Baudouin de Courtenay, I.A. (1963). Selected works on General linguistics. Vol. 2. Moscow: Publishing house of the USSR FN.

Сведения об авторе:

Киров Евгений Флорентович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина; *научные интересы*: фонетика и фонология русского языка, грамматика русского языка, теория языка, моделирование языка, теория текста, философия языка, история русского языкознания, фразеология русского языка. *e-mail*: efkirov@pushkin.institute

Information about the author:

Evgeny F. Kirov, Dr. habil., Professor, Professor of the Department of General and Russian linguistics of Pushkin State Russian Language Institute; *research interests*: phonetics and phonology of the Russian language, Russian grammar, theory of language, modelling language, theory of text, philosophy of language, history of Russian linguistics, phraseology of the Russian language; *e-mail*: efkirov@pushkin.institute